

За десять лет работы в кинематографе «застойного» периода Сокуров снял тринадцать картин, и все они были положены на полку.

В восемьдесят шестом году из Сокурова стали делать «жертву прежнего режима». Ему пишут приветственные письма, достают с полок фильмы, вводят во все комиссии, возобновляют прерванные съемки, облагодетельствуют, обласкивают.

Из одного письма: «Думали, он разговаривает на непонятном языке оттого, что с ним плохо обращаются, лишают сладкого и не дарят игрушек. И очень удивились, когда в благодарность за милости он не принял назначенной ему роли в новой мифологии и продолжал говорить на непонятном языке. А он не делал различия между ними и прежними, поскольку, как и раньше, был озабочен соображениями совсем другого порядка. Подобно варвару из загадочной цивилизации, он существует вне контекста — лютого. И вопреки настойчивым и естественным попыткам ему тот или иной контекст навязать».

Никогда не старался уловить в кино, «что носят».

(«Носят ли нынче буфы, пуфы, сборки или наоборот: спосаживают мысыком и сводят на нет апплике и декольте?»)

Подражателям трудно. Только осваивают какой-то прием от Сокурова, а он — вперед или вбок, и уже *другой*.

Его кино каждый раз новое и разное, непохожее. Это всегда антиштампы. Неприятие всего сделанного по известным рецептам.

Никогда не устраивает «истерической возни с прошлым». Обладает особым талантом жить в собственном меняющемся времени.

Не это ли да еще способность плыть против течения вызывает у коллег такую раздражительность и озлобленность? Особенно у тех его предшественников и старших современников, которые были не поправимо ушиблены *своим* временем?!

В его картинах очень мало слов.

Убежден, «когда актеры замолкают, тогда и виден ты как режиссер».

За игру слов он не очень любит грузинское и итальянское кино. Претит, что американские фильмы заваливают нас словами.

Он ищет «бытового слова». (Мой друг Акрам Муртазаев мечтает запретить прилагательные. Он считает, что любое существительное можно испортить прилагательным. Не оттого ли, что прилагательные всегда пафосны? А пафос — избыточная сила в составе космоса.)

Сокуров очень боится пафоса. Он пафос чувствует издали, настораживается и «извергает» легкий — то есть пафосный — ответ, который хочет в него вселиться.

Он делает по три фильма в год.

Говорит, что не замечает, как проходит жизнь.

Не замечает ничего, кроме запаха киноматериалов.

(«Чем больше горе, тем чувства более спрятаны вглубь. Это движение внутрь себя, которым человек воздействует на боль собственной души и хочет ее укротить...»)

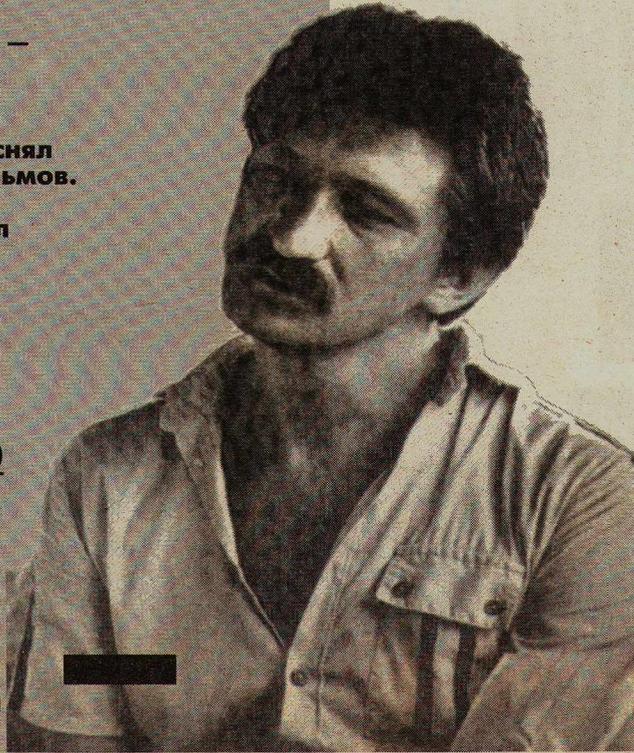
Кинематограф для него — не «отражение жизни», не

В канун Рождества специальным призом «Кинотавра» «Золотой Овен» Александр Сокуров был признан лучшим режиссером года.

Для Сокурова, увенчанного великим множеством зарубежных призов, — это первая российская награда.

Александр Сокуров снял двадцать девять фильмов. Их в России почти никто не видел

Александр СОКУРОВ

Жалость — высшая стадия любви

Александр Сокуров и Алексей Ананишнов на съемках фильма «Дни затмения». Алексей Ананишнов играет и в фильме «Мать и сын»

века смысле: с обертоном презрения — на французском языке, досады — на немецком, с обертоном иронического недоброежелательства — на английском.

А для Сокурова вся русская литература, не считая советского периода, — очень мягкая, очень нежная. Так он мне сказал в недавнем разговоре. Даже Достоевский, сказал, даже Достоевский.

И, помолчав, добавил: «Нежность — мое внутреннее русское качество».

О нежности-жалости — новый фильм Александра Сокурова «Мать и сын»*.

Я посмотрела этот фильм в Роскино перед самым Новым годом.

Главный редактор хотел, чтобы я написала о фильме в новогодний номер или рождественский.

Но я сказала: нет, это не рождественская сказка.

* «Мать и сын». Режиссер Александр Сокуров. Автор сценария — Юрий Арабов. Оператор — Алексей Федоров. Звукооператор — Владимир Персов. В ролях: Алексей Ананишнов и Гудрун Гейер (Германия). Производство: Роскино, «Ленфильм», «Зеро-фильм», министерство внутренних дел Германии и министерство культуры Германии (Гамбург).

«правда жизни»... Кинематограф — это другая жизнь.

(«Цвет тени — это тоже цвет».

Серый как белый и серый как черный, перетекание, переливание оттенков серого цвета, одного из уникальнейших цветов в гамме, — выражение теней и восприятие теней. Он сложный, он жестокий, он требует непосильного напря-

жения, но он и дает возможность выявления в человеке импульсов человека, а не бабочки.

Я стараюсь идти к лаконичному существу картины».)

Говорят, Сокуров непрокачен. Но в тех крайне редких случаях, когда его картины показывали в кинотеатрах, залы были забиты до отказа (я — свидетельница).

Его фильмы побуждают видеть, а не смотреть. Они не для всех, но про каждого.

Он не согласен, что все люди кругом становятся безжалостнее, и это уже закон времени, а вовсе не мода, век, а не день.

Нина Берберова писала, что слово «жалость» на многих языках теперь применяется только в обидном, уничтожающем чело-

В новой своей работе Сокуров заглядывает туда... в общем, люди не хотят *это* знать. Или хотят не знать.

Другое дело, что мало кому удастся «не знать» безнаказанно.

В фильме — только двое. Он и она. Мать и сын.

Они мало что знают друг о друге. Она больна, стара, беспомощна, слаба. Он — взрослый и нежный. Когда-то она могла быть эгоистичной, жестокой. Чашу личной жизни испила до дна. Ну и что? Сегодня она больна, стара, беспомощна, и он рядом — взрослый и нежный.

По определению, все наше отечественное воспитание жиделось на ощущении коммунальности. Дух индивидуальной ответственности — это нечто совершенно противоположное отечественному мироощущению.

«...И, слышав «ты», здесь резче делаются черты, точно речь наподобье линз отделяет пейзаж от лиц».

В фильме — лица матери и сына и пейзажи.

Пейзажи здесь — такие же персонажи, как и люди. Только от людей они отделены. Облако, лес, обрыв — они сами по себе. Верный себе и чуждый всякой мифологизации Сокуров показывает, как неосприкасаемы природа и люди. И как природе неважно, что происходит с человеком. И если человеку плохо, облако, лес или обрыв — не помогут. В лучшем случае скажут: найди в себе силы. Или не скажут. Сам должен понять.

Есть в фильме такой эпизод.

У матери сердечный приступ. Она кричит сыну: «Вытащи меня, вытащи!» А сын ей говорит: «Я не могу тебя вытащить, ты сама, сама должна себя оттуда вытащить, я помогу, но и ты — сама, сама помоги себе...»

В этом, а не в безжалостности видит Сокуров знак времени: призвать на помощь собственные силы. Это особая данность: своей непостижимой жизнью помочь себе.

Сокуров знает: ничто не разрешается само собой.

Но ничего и не отходит. А присутствует и преобразуется вместе с живыми.

● Зоя ЕРОШОК

● P.S. В Германии Сокуров сам сделал немецкую версию картины. И жалость на немецком языке зазвучала не с обертоном досады, а нежно-нежно.